

Б. И. Каракулов (*Ижевск*)

**В. И. Лыткин и проблема развития удмуртского
литературного языка**

Обращаясь к научной деятельности профессора В. И. Лыткина, следует подчеркнуть ее исключительную многогранность. Внимание ученого не обошло и проблемы становления и развития литературных языков. Более десяти опубликованных его работ непосредственно посвящены этой теме. Среди них некоторые уже появились в 20-е годы, другие – позже, в 70-е, так что, можно отметить, что интерес профессора к этой теме не ослабевал. Из более значительных его трудов нам известны следующие: Коми-пермяк гижӧд кыв йылысь (О коми-пермяцком литературном языке) // Коми гижысьяс, 1926; Коми литературный язык и орфография: Тезисы докл. // Материалы коми лингвистической конференции Главнауки в Сыктывкаре. Сыктывкар, 1929; Очередные задачи строительства коми литературного языка // Сборник ко-

миссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, Вып. 2, 1931; О литературном языке нацменьшинств. По данным языков коми и вотского // Просвещение национальностей. М., 1931. № 1; Permi rahvaste kirjakeelte kujunemise ajalooost (Из истории формирования литературных языков пермских народов) // Keel ja kirjandus, 1958. № 10 (на эстонском языке); Разделы “Фонетика” и “Графика” (соавтор Т. И. Тепляшина) // Грамматика современного удмуртского языка. Ижевск, 1962; О современном состоянии и путях развития младописьменных языков финно-угорских народов (соавторы: Н. Т. Пенгитов, П. Н. Перевошиков, А. П. Феоктистов) // Всесоюзная конференция, посвященная закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: Тезисы докл. Алма-Ата, 1962; Коми литературной кыв советской воясö (Коми литературный язык в советские годы) // Войвыв кодзув, 1963. № 9; О современном состоянии младописьменных литературных языков финно-угорских народов (соавторы: Н. Т. Пенгитов, П. Н. Перевошиков, А. П. Феоктистов) // Вопросы развития литературных языков народов СССР. Алма-Ата, 1964; Неологизмы советского периода в коми-зырянском литературном языке, образованные из материала родного языка // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докл. и сообщ. Сыктывкар, 1965; Основные процессы в формировании и развитии финно-угорских и самодийских языков в советскую эпоху // Закономерности развития литературных языков в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М., 1969; О современном состоянии и задачах удмуртского языкознания // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2; Сб. статей и материалов. Ижевск, 1973.

Как историк пермских литературных языков В. И. Лыткин принадлежит к числу тех творческих работников, которые перекинули мост от одного поколения лингвистов к другому. А именно от поколения “красных профессоров”, которые вопросы языкознания связывали с политическими, а языковое строительство — со строительством нового социалистического общества. Революционные методы строительства, выразившиеся в гимне большевиков (“... Весь мир насилья мы разрушим / До основания, а затем / Мы наш, мы новый мир построим”), переносились ими и в языкознание. Поэтому для них не существовало необходимости

исследования памятников письменности, они открыто игнорировали также удмуртскую дореволюционную письменность и удмуртский литературный язык. Так, например, в одной работе прямо отмечается: “До Октябрьской революции удмуртского литературного языка не было. Религиозная дореволюционная литература целиком была подчинена руссификаторской и колониальной политике самодержавия... Но был переводный язык евангелий, октоихов, молитвенников, чуждый целиком для трудящихся масс, с установленными канонами святописания, с торжественно идеалистическим, тягучим, по существу нудным стилем. Текст этой литературы был насыщен религиозно-мистическими терминами: *инмар*, *лул*, *вöсьяськон*, *святой дух*, *сьöлык*, *инумы*, *херувим* и т. д., которые отвлекали читателя от национально-освободительной и классовой борьбы. ... перед нами стоит как важнейшая задача – организованное, планомерное, большевистское руководство развитием удмуртского языка до такой степени, чтобы можно было точно и правильно переводить Ленина, Сталина, достижения науки и техники и т. д.” [Бутолин 1937: 4–5]. Большевистское руководство не могло не сказаться и на проведении лингвистической экспедиции к удмуртам в 1929 году, руководимой профессором Д. В. Бубрихом. Она была организована по инициативе и на средства Удмуртского облоно, в первую очередь в целях “строительства” удмуртского языка [Каракулов 1992].

В отличие от исследователей-политиков В. И. Лыткин любой вопрос языка рассматривает в историческом плане. Интерес к изучению языка письменных памятников коми у него возникает уже в 20-е годы. Тогда он начинает публиковать статьи об истории коми письменности, а в 1943 году защищает кандидатскую диссертацию на тему “Древнепермская графика”, в 1946 году – докторскую диссертацию на тему “Древнепермский язык и историческая грамматика пермских языков”. Позднее выпущенная на основе материалов докторской диссертации монография была высоко оценена учеными, в том числе Б. А. Серебренниковым. “Древнепермский язык..., – подчеркнул будущий академик в предисловии, – в дальнейшем может послужить основой для написания исторических грамматик удмуртского и коми языков, сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков”.

Многие догадки, мысли, научные выводы В. И. Лыткина можно найти в работах его аспирантов – в кандидатских диссер-

тациях, выполненных под его руководством. Например, по теме “Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа” под его руководством выполнена и защищена работа Г. Г. Бараксановым. Еще в 1965 г. на Всесоюзной конференции финно-угроведов (Сыктывкар) Г. Г. Бараксанов отмечал: “Нельзя говорить о том, что до революции существовал вполне сформировавшийся и развитый коми литературный язык, однако факты показывают, что письменные традиции коми языка не прерывались с XIV века, до революции были заложены основы современного литературного языка” [Бараксанов 1965: 13].

В. И. Лыткину была присуща и другая особенность: в процессе работы он пересматривал свои изложенные ранее положения. Так, например, в предыдущих своих работах профессор отмечал, что формирование удмуртского литературного языка шло на всех диалектах одновременно. Правила правописания также узаконивали явления разных диалектов [Лыткин 1931: 74–75]. Позже он свою точку зрения уточняет, отмечая, что “диалектная основа удмуртского литературного языка, развивавшегося в течение ряда десятилетий в различной диалектной среде, в настоящее время не совсем ясна. Все же она по своей грамматической структуре и фонетике стоит ближе к говорам средней полосы Удмуртии, хотя содержит и элементы других говоров” [Лыткин 1959: 418; 1964: 306; 1969: 254].

К сожалению, приходится констатировать, что к периоду появления работ В. И. Лыткина были известны лишь десятки названий удмуртских книг, слабо были изучены удмуртские диалекты. Из истории раннего периода удмуртского литературного языка о фактах рождения удмуртского письма в это время в своих статьях отмечали В. И. Алатырев, И. В. Тараканов, В. М. Вахрушев и другие. Поэтому в этот период относительно удмуртского литературного языка В. И. Лыткин мог почерпнуть о нем лишь частичные сведения: “Дореволюционные исследователи в основном стремились фиксировать языковой материал, не ставя перед собой задачи создания литературного языка (Словарь и грамматика Видеманна, рукописные словари Михаила Могиллина, Захария Кротова XVIII в. и др.). Позднее удмуртский язык изучался как материал для сравнительно-исторического освещения явлений финно-угорского языка (Вихманн, Мункачи и др.). Лишь отдельные языковеды стремились исследовать язык в целях создания

единых норм удмуртского письма (Григорий Верещагин). До революции, несмотря на отсутствие установленных норм графики и орфографии, письменность на удмуртском языке все же получила известное развитие: в последние десятилетия были изданы десятки книг, в том числе “Удмурт календарь”, революционные прокламации-листовки и т. д. Все это послужило толчком к созданию единого литературного языка, так как упомянутая литература печаталась на разных диалектах в различной орфографии” [Лыткин 1973: 5].

Несомненна заслуга В.И.Лыткина в том, что он впервые удмуртский язык в числе других восточно-финских языков, причислявшихся ранее к младописьменным языкам, отнес к старописьменным языкам с небольшой дореволюционной литературой [Лыткин 1969: 241]. Эта точка зрения ученого получила признание и на праздновании в Удмуртии 200-летия удмуртской грамматики 1775 года.

Выступая с докладом “О современном состоянии и задачах удмуртского языкознания” на юбилейной научно-теоретической конференции, посвященной 50-летию Удмуртской автономии, 19–20 октября 1970 года в Ижевске, В. И. Лыткин навсегда закончил с различными толками о существовании или несуществовании удмуртского литературного языка. “Удмуртский народ, – подчеркнул ученый, – должен гордиться, что он, в отличие от других близкородственных восточно-финских языков, смог сформировать единый литературный язык. Теперь мы имеем полное основание сказать, что удмуртский литературный язык сформировался окончательно, за последние десятилетия он обогатился настолько, что встал в один ряд с культурными языками: на нем вышли многие десятки произведений крупных жанров (романы, повести, поэмы, пьесы и др.), выходят газеты и журналы массовыми тиражами; на нем можно выразить самую сложную мысль и тончайшее переживание души. Носителя этого языка, удмуртский народ, относят в справочниках о населении СССР к большим нациям” [Лыткин 1973: 4–5].

Следует признать, что В. И. Лыткин дал толчок для изучения памятников удмуртской письменности. Работу профессора продолжили его ученики – бывшие аспиранты Т. И. Тепляшина, В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, С. В. Соколов, а также такие ученые, как И. В. Тараканов, В. М. Вахрушев, Ф. К. Ермаков, у

которых он оппонировал кандидатские диссертации. Благодаря кропотливой работе в архивах профессора В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной обнаружены, изучены и изданы многие памятники удмуртской письменности XVIII века. Подобной работе Т. И. Тепляшиной сегодня целесообразно было бы составить хрестоматию по всей удмуртской дореволюционной литературе, каталог которой составлен нами, который включает в себя 391 название [Каракулов 1994].

Изучение языка наиболее важных удмуртских памятников показывает, что становление письменного удмуртского литературного языка уже относится к середине прошлого века. Нами составлена программа спецкурса по истории удмуртского литературного языка, и этот курс слушают студенты факультета удмуртской филологии и журналистики Удмуртского государственного университета и педагогического факультета Глазовского пединститута.

Удмуртский литературный язык и в послеоктябрьский период не получил все признаки развитых литературных языков, так, например, и сегодня нельзя говорить о его полифункциональности, поэтому наряду с задачей его сохранения стоит проблема расширения сферы его употребления и развития функциональных стилей. Поэтому национальный язык коренного населения наряду с русским в Конституции Удмуртской Республики был объявлен государственным языком. Однако без принятия закона о функционировании этих языков этот пункт Конституции может остаться декларативным.

Другой не менее важной проблемой остается задача дальнейшего нормирования языка – сознательного вмешательства в развитие языка. Хотя на сегодняшний день лингвистами разработаны определенные правила орфографии, пунктуации, изданы орфографические словари, которые, понятно, требуют дальнейшего совершенствования, каждый удмуртский печатный орган, пренебрегая ими, руководствуется своими неписаными правилами. Такие действия, основанные на субъективизме, расшатывают нормы литературного языка и отрицательно сказываются на судьбе нации. Поэтому необходимо ставить строгие требования для соблюдения норм литературного языка, и в первую очередь редакторам печатных органов, радио, телевидения, журналистам, писателям, учителям – всем тем, кто причастен к судьбе родного слова.

Развитие литературного языка также связано с задачей лексического обогащения словаря. Но без изучения памятников письменности, а следовательно, без знания исторической грамматики удмуртского языка, возможны нежелательные последствия. Например, работа по лексическому обогащению, созданию терминологии требует научного осмысления происходящих языковых процессов, знания словообразовательных возможностей родного языка, опыта создания неологизмов, терминологии в его истории. Ошибки в этом плане могут привести к худшим последствиям: к отстранению от проблем родного языка большей части общественности, вместе с тем и к отказу от своего национального языка и к большому сужению языковой среды.

С задачами функционирования и нормирования языка связана проблема отрыва литературного языка от диалектов. В последние годы процесс унификации литературного языка, можно сказать, ослаб, очищение от провинциализмов намного снизилось. С одной стороны, видимо, в этом отразилось ограничение функционирования литературного языка, и с другой стороны, подход самих лингвистов, которые к диалектизмам чаще обращаются как к источнику обогащения литературного языка. Сегодня в языке периодики, в частности газеты "Удмурт дунне", как и в языке газеты "Гудыри" 1918 года, можно найти любой вид диалектизма. Использование многих из них, и в большей степени фонетических диалектизмов, по нашему мнению, нежелательно. Подобный подход к использованию диалектизмов ведет к снижению авторитета родного литературного языка.

Библиографический список

Бараксанов Г. Г. Дореволюционная коми-зырянская письменность и вопросы преемственности современного литературного языка с этой письменностью // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. (Июнь 1965). Сыктывкар, 1965. С. 11–13.

Бутолин А. С. Вопросы терминологии и перевода на удмуртский язык (тезисы). Ижевск, 1937. 37 с.

Каракулов Б. И. Лингвистическая экспедиция Д. В. Бубриха к удмуртам и проблема единого удмуртского литературного языка // Пермистика: Диалекты и история пермских языков: Сб. статей. Сыктывкар, 1992. С. 40–47.

Каракулов Б. И. К проблеме изучения памятников удмуртской письменности дооктябрьского периода // Духовная культура: проблемы

и тенденции развития. Всероссийская научная конференция: Тез. докл.
Русская литература. Сыктывкар, 1994. С. 10–12.